Текст · 22 ноября 2019, 10:17
Анна Козкина,

«Абсолютное безучастие». Как Россия доказывает в ООН, что успешно борется с домашним насилием

Правительство уверено, что масштабы домашнего насилия в России «достаточно преувеличены» — это стало известно из ответа Минюста Европейскому суду по правам человека, который рассматривает жалобы четырех пострадавших женщин. Подобные ответы — типичная риторика представителей России в международных организациях. «Медиазона» рассказывает об этом на примере двух заключений Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Избиения дома, избиения при свидетелях и ни одного приговора

40-летняя Елена Сизова прожила в браке с Михаилом четыре года — с 2009 по 2013 год. Уже на втором году совместной жизни муж стал ее избивать.

8 ноября 2010 года он ударил жену при восьмилетней дочери. Получившая травму носа Елена обратилась к медикам, но не рассказала, что ее бил муж — Михаил сопровождал ее в больницу. В декабре он снова избил Елену: толкнул на диван, накинул сверху одеяло и стал бить. Больше двадцати ударов кулаками по голове и телу. На этот раз Елена рассказала врачам, что побои ей нанес супруг. В больнице у нее

зафиксировали ушибы на теле, а информацию об избиении передали в полицию.

> Все имена пострадавших женщин и их родных в этом тексте — псевдонимы. Настоящие данные в материалах ООН также засекречены.

После этого Елена отправила дочь из Петербурга, где жила семья, к бабушке в Иркутск. В октябре 2012 года Елена родила младшую дочь, а через несколько месяцев ушла от мужа и переехала в другую в квартиру. Михаил начал преследовать ее: он регулярно звонил, угрожал, оскорблял, а при встрече бил. В апреле 2013 года он напал на Елену, когда та пришла с ребенком на прием к педиатру — трижды ударил жену по лицу. В тот же день она обратилась в полицию.

Оттуда материалы передали мировому судье, хотя Елена просила возбудить дело публичного обвинения, поскольку у нее нет ни юридической подготовки, ни денег на адвоката. Мировой же суд рассматривал дело в порядке частного обвинения — это значит, что сбором доказательств, вызовом в суд свидетелей и их допросом должна заниматься сама заявительница. Если же дело предполагает публичное обвинение, доказыванием вины занимается государство в лице следователя, а затем прокурора.

Елена Сизова обратилась в государственный центр социальной помощи семьям и детям Красногвардейского района Петербурга. Ее

поместили в приют для женщин, попавших в кризисную ситуацию, но 3 июня 2013 года Михаил напал на супругу — его не смутило даже то, что в тот раз рядом была его собственная мать.

Хотя позже в полиции и Михаил, и его мать признали, что он ударил Елену по лицу, но оттуда снова просто передали материалы мировому судье. В течение года Елена пыталась добиться возбуждения уголовного дела против мужа, с которым формально они так и не развелись, но все время получала отказы. Михаил же продолжал ее преследовать.

46-летняя Мария Алексеева прожила в браке с Никитой 19 лет. За это время у них появились трое сыновей — 1996, 2001 и 2011 годов рождения. Никита регулярно бил жену.

В августе 2007 года Никита избил Марию на глазах у детей. В больнице у нее диагностировали в том числе ушибы плеча и таза. Женщина обратилась в ОВД московского района Зябликово, но там не стали возбуждать уголовное дело. Избиения продолжились. Мария сначала регулярно обращалась в милицию, однако со временем стала просить о помощи только в случаях наиболее жестокого насилия.

Такое случилось в ночь на 12 июня 2012 года. Мария обратилась в поликлинику и подала заявление в ОВД «Зябликово». В ходе проверки ее муж отрицал насилие, а один из сыновей подтвердил показания отца. На этом основании дело решили не возбуждать.

В феврале 2013 года Никита избил Марию за отказ заняться с ним сексом. Она в очередной раз

обратилась в районный отдел и в очередной раз получила отказ в возбуждении дела. В полиции женщине сообщили, что она может подать заявление мировому судье для преследования в частном порядке, но Мария не стала этого делать, испугавшись мужа.

Осенью того же года брак расторгли по заявлению Марии. По мировому соглашению квартира перешла к ней, но Никита продолжал там жить и бить уже бывшую супругу. Несмотря на зафиксированные после избиения в ночь на 7 августа 2014 года ушибы, полиция так и не стала открывать дело. Позднее суд предписал мужчине освободить квартиру.

Что говорят власти России

Отвечая на жалобу россиянок в Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, представители России в первую очередь отметили, что пострадавшие не дошли до кассационной инстанции, обжалуя отказы возбудить уголовные дела. Государство также упрекнуло женщин в том, что они добровольно жили со своими мужьями, несмотря на насилие. «Авторы [жалоб] стали жить раздельно от мужей лишь по прошествии длительного периода времени», — приводится позиция России в заключении Комитета ООН.

Власти настаивают, что жертвам оказали психологическую и юридическую помощь в специализированных учреждениях вблизи от их места жительства, а Елене Сизовой предоставили убежище в приюте.

В действительности же Сизовой, которая обратилась за бесплатной юридической помощью в районный центр помощи семье и детям, вместо этого посоветовали нанять частного адвоката. Мария Алексеева в московском центре «Надежда» тоже смогла получить только бесплатную консультацию, но представлять ее интересы в суде там отказались. Принятый в ноябре 2011 года закон о бесплатной юридической помощи не распространяется на жертв домашнего насилия.

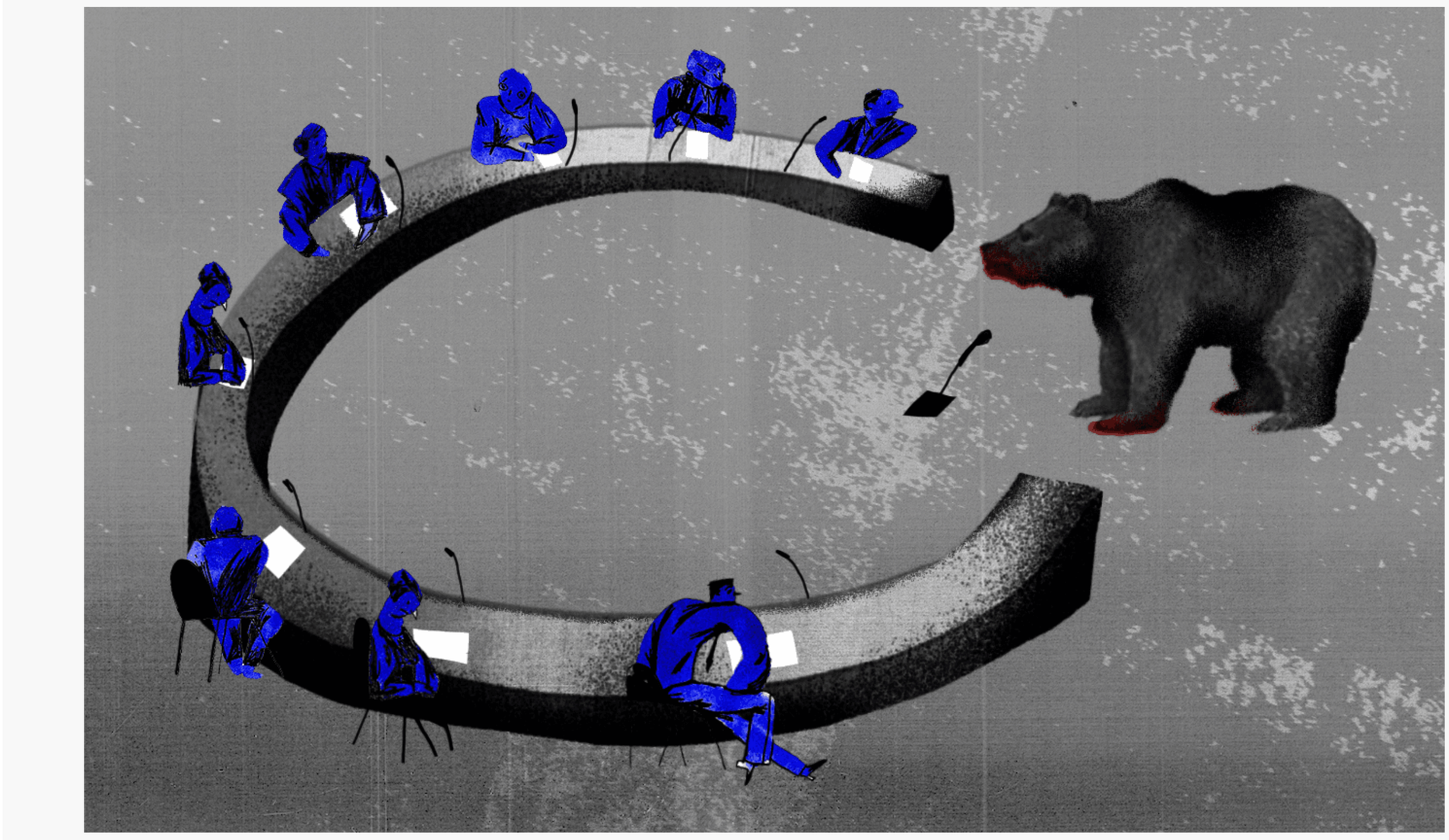
Власти признали, что полицейские не нашли в действиях мужчин более тяжелого состава преступления, чем статья 116 УК (побои; позже эта статья была декриминализована), и женщинам следовало обращаться к мировым судьям, чтобы их дела рассмотрели в порядке частного обвинения. В том, что такие дела возлагают бремя доказывания на пострадавшую, российские власти проблемы не видят.

Что говорит ООН

В июле 2019 года Комитет ООН по противодействию дискриминации женщин пришел к выводу, что российские власти нарушили права Елены Сизовой и Марии Алексеевой, когда не смогли защитить их от домашнего насилия. В ООН отмечают, что в российском законодательстве нет понятия «домашнее насилие» и не предусмотрены меры правовой защиты от него. При этом в 2015 году Комитет уже рекомендовал властям срочно принять комплексное законодательство для предотвращения насилия в отношении женщин, которое бы

предполагало уголовную ответственность для агрессоров и защиту пострадавших.

Раскритиковали в ООН и тот факт, что дела о домашнем насилии обычно относятся к частному обвинению, когда потерпевшая должна сама собирать доказательства, вызывать и допрашивать свидетелей. Это, по мнению Комитета, нарушает равенство сторон и не может считаться надлежащим механизмом для пресечения домашнего насилия.

ООН начинает сердиться. О чем спрашивали российскую делегацию на сессии Комитета против пыток

Комитет указал, что необходимы не только законодательные изменения, но и работа с гендерными стереотипами в обществе и изменение основанной на них правоприменительной практики: «Это является как коренной причиной, так и следствием дискриминации женщин. Устойчивый характер гендерных стереотипов поддерживается

различными средствами и институтами, включая законы. <...> Комитет подчеркивает, что применение стереотипов затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство».

В ООН рекомендовали властям подписать Стамбульскую конвенцию, посвященную мерам по противодействию насилию в отношении женщин, принять закон о предотвращении домашнего насилия, возбуждать по таким преступлениям уголовные дела публичного обвинения, а женщинам при необходимости предоставлять бесплатную юридическую помощь и защиту.

Также Комитет советует разработать стандарты рассмотрения жалоб о домашнем насилии на уровне отделов полиции для своевременного расследования таких случаев и защиты пострадавших, а также провести соответствующую профессиональную переподготовку судей, адвокатов и силовиков.

Еще один пункт в рекомендациях Комитета — создание реабилитационно-воспитательных программ для правонарушителей и программ обучения ненасильственным методам разрешения конфликтов. Другая рекомендация властям — разработать вместе с некоммерческими организациями меры по искоренению предрассудков, обычаев и практик, которые оправдывают или поощряют домашнее насилие.

Ожидается, что через несколько месяцев российские власти должны сообщить ООН о выполнении этих рекомендаций.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Угрозы, преследование, нападение

34-летняя Ирина Виноградова прожила с Александром два года. Александр оскорблял ее, употреблял наркотики и алкоголь, страдал зависимостью от азартных игр. Ирина ушла от него, после чего Александр стал ее преследовать.

В конце 2010 года у Ирины появился новый партнер, однако Александр по-прежнему требовал вернуться к нему, слал оскорбительные сообщения, ждал у дома и пытался попасть в квартиру. Спустя год, декабрьским вечером 2011 года, когда живущая на втором этаже Ирина его снова не впустила, он забрался в квартиру через окно и ударил женщину по лицу — дома были ее сын и новый возлюбленный. Затем Александр выбежал на улицу и разбил окно камнем.

Ирина обратилась в негосударственный кризисный центр для женщин в Петербурге. Вместе с Валентиной Фроловой, работавшей тогда юристом центра, она добилась приговора — 21 февраля 2013 года мировой судья признал Александра виновным в побоях (часть 1 статьи 116 УК) и приговорил к исправительным работам. Александр должен был выплатить Ирине три тысячи рублей компенсации морального ущерба, но эти деньги она не получила до сих пор. В апелляции Ирина просила ужесточить наказание, но его оставили без изменения.

Через день после приговора, 23 февраля, Александр снова начал отправлять Ирине сообщения с оскорблениями и угрозами убийством. Ирина подала заявление в полицию, но дело отказались заводить, поскольку полиция не смогла допросить Александра — он просто не пришел туда. После этого угрозы повторялись не раз, но добиться нового уголовного дела женщине так и не удалось.

«Абсолютное безучастие. Я звонила участковому и говорила, что вот он сейчас под дверью, я боюсь, что он может причинить вред мне — он же угрожал расправой. А участковый отвечал, что у меня таких случаев полрайона, и что, я буду каждому охрану выставлять?» — вспоминает Ирина Виноградова.

Всего полицейские вынесли семь отказных постановлений — все они объяснялись тем, что полицейским не удалось допросить Александра, ведь он не приходил в отдел.

Ирина просила о госзащите, но суд посчитал, что угрозы ее жизни и здоровью нет. Кроме того, закон

о государственной защите не распространяется на жертв домашнего насилия. В своей жалобе в ООН Ирина указала на неэффективность этой меры, которая должна применяться немедленно — а в ее случае ходатайство о госзащите рассмотрели только через три недели после его подачи.

«Я до последнего надеялась, что меня могут защитить, тем более, я с маленьким ребенком одна, у меня мама в Челябинске живет, брат старший в Челябинске тоже, мне неоткуда было ждать помощи. Я до последнего боролась, иначе бы он меня просто убил бы где-нибудь и все, потому что совершенно неадекватный человек и ждать от него можно было все что угодно», — говорит Ирина.

В жалобе в ООН она отметила отсутствие в законодательстве понятий домашнего насилия и сталкинга. «По мнению автора, обстоятельства ее дела и отчеты НКО показывают, что общие положения уголовного законодательства неспособны обеспечить своевременно и эффективно ответ проблеме домашнего насилия. Власти таким образом проигнорировали ситуацию преследования», — приводится позиция Ирины в заключении Комитета.

Что говорят власти России

Как и в случае с Сизовой и Алексеевой, власти ответили, что женщина не дошла до кассационной инстанции, а ее обращение в Комитет ООН — «злоупотребление правом на справедливое судебное разбирательство», поскольку все решения судов по ее делу основаны на национальном законодательстве и не противоречат международному праву.

Отвечая на недовольство Виноградовой отсутствием в российских законах понятия «домашнее насилие», власти указывают, что «это значение в зависимости от обстоятельств дела» могут квалифицировать как истязание (статья 117 УК), угрозу убийством (статья 119 УК) или оскорбление (статья 5.61 КоАП).

Сам конфликт Ирины с бывшим возлюбленным власти не считают домашним насилием, поскольку во время нападения и преследования она уже жила с другим партнером.

Что говорит ООН

В ноябре 2017 года Комитет ООН не согласился, что случай Виноградовой не подпадает под определение домашнего насилия, и заключил, что государство нарушило ее права, не защитив от преследования.

Комитет подчеркнул, что подписанная еще СССР в 1980 году Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин обязывает[1] правительство привести национальное законодательство в соответствие с ней — в частности, необходимо ввести туда понятие «домашнего насилия». Также Комитет напомнил, что Конвенция обязывает государство менять не только законы, но и

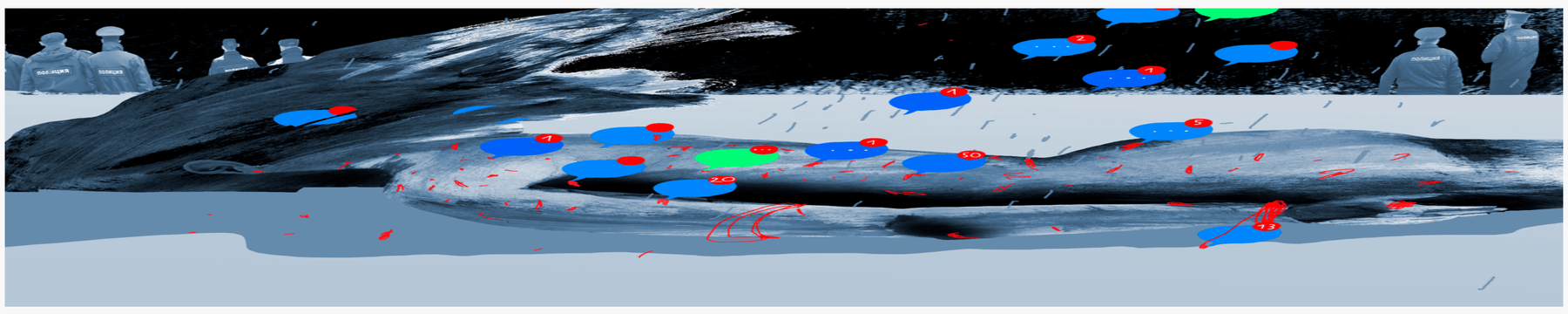
сложившиеся в обществе традиции и практики, которые дискриминируют женщин; судам же не следует основываться на стереотипах о домашнем насилии.

«Кейс показывает неудачу государства в выполнении обязательства по модификации социальных и культурных паттернов представления мужчин и женщин», — делают вывод в ООН.

Комитет подготовил список рекомендаций по работе властей с проблемой домашнего насилия, которые в основном повторяют рекомендации по жалобе Алексеевой и Сизовой. Правда, на этот раз Комитет еще посоветовал вернуть уголовную ответственность за побои в семье по статье 116 УК.

Реакция властей на рекомендации

В своем ответе, направленном ООН в декабре 2018 года, власти настаивают, что в России есть «достаточные правовые механизмы для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих семейно-бытовое насилие». Хотя уголовных статей о домашнем насилии и сталкинге нет, по мнению властей, для решения этих проблем достаточно существующих статей Уголовного кодекса. Также они предлагают обращаться к административной статье о побоях (статья 6.1.1 КоАП).

«Куда ты смотрела». ЕСПЧ вынес решение по делу женщины, которую власти России не смогли защитить от агрессивного сталкера

Адвокат Валентина Фролова, которая представляет интересы Виноградовой критикует эту позицию: «Того закона, который есть сейчас, недостаточно, потому что не криминализованы и нет ответственности для всех форм насилия, которые в отношении женщин совершаются в семье. Например, возьмем самую простую статью об угрозе убийством, 119-я [статья УК]. У нас криминализована только угроза убийством и причинением тяжкого вреда здоровья. Физическое преследование, как в случае Виноградовой, опять же остается безнаказанным, потому что всем все равно. И полиция столкнулась с тем, что она даже никак это квалифицировать не могла. У нас закон несовершенен».

Рекомендацию разработать специальный порядок рассмотрения жалоб на домашнее насилие в отделах полиции власти России решили проигнорировать, сообщив, что такие жалобы рассматриваются в общем порядке. Также власти отвергли совет отказаться от дел частного обвинения в случае домашнего насилия и ратифицировать Стамбульскую конвенцию.

В своем ответе в декабре 2018-го правительство сообщало, что уже проходит доработку законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» — к настоящему времени он так и не принят. Власти также рассказали о Концепции государственной семейной политики до 2025 года, утвержденной правительством, которая предполагает развитие

кризисных центров для жертв домашнего насилия и программ по работе с людьми, подвергающих насилию членов своей семьи. Точных данных о создании конкретных центров и программ в ответе нет.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Статья 3 Конвенции обязывает государства-участники договора принимать все меры, в том числе законодательные, чтобы гарантировать женщинам основные свободы и права наравне с мужчинами. А не защищая женщин от домашнего насилия, по мнению Комитета, государство нарушает это статью.